

Э.Л. Дубман

У ИСТОКОВ ЗАКАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В современной литературе, посвященной истории развития русского градостроительного и фортификационного искусства, высказывается мысль о том, что в 1730-40-е годы произошел пересмотр концепции возведения крупных оборонительных сооружений на границах России. Правительство посчитало необходимым отказаться от единичных крепостей петровской эпохи. Оно возобновило строительство протяженных линий на юге и юго-востоке, там, где слабозаселенные лесостепные и степные территории государства были плохо защищены от внезапных набегов кочевников. Было решено обезопасить пограничные районы путем заселения и освоения степных окраин, заменой отдельных крепостей сплошными линиями, состоящими из ряда укрепленных пунктов, соединенных непрерывными рвом и валом. Обычно это изменение связывают с двумя факторами: передачей руководства над всеми фортификационными сооружениями Российской империи и, несколько позднее, Военной коллегией Х.А. Миниху, а также с изменениями во внутриполитической линии правительства, обусловленными восшествием на престол Анны Иоанновны¹. Этот вывод в значительной степени соответствует действительности, хотя и нуждается в определенной коррекции. Действительно, Миних, став в 1727 г. обер-директором над фортификациями, в 1729 г. генерал-фельдцехмейстером и обер-директором Канцелярии главной артиллерии и фортификации Военной коллегии, в 1732 г. президентом Военной коллегии, оказал значительное влияние на обустройство южных и юго-восточных границ России². Но в большей степени новые подходы к защите собственных окраинных территорий были обусловлены переориентацией всей внешней и внутренней политики страны.

Добившись в первые десятилетия XVIII в. впечатляющих успехов на западных границах (выхода к Балтике), Россия традиционно обращает взор на юг и юго-восток. Идея необходимости эффективной защиты пограничных со степью территорий возникла еще в период царствования Петра Великого. С середины 1710-х гг., наряду с планами среднеазиатской экспансии³, правительство поставило перед собой задачу оградить от нападений кочевников юго-восточный регион Европейской части России, создать новые районы для земледельческого расселения. Подобная задача являлась не чем иным, как продолжением длившейся более полутора веков, уже ставшей традиционной политики страны в лесостепном и степном пограничье, фронтире, как обычно называют это пространство в западной науке. Уже в 1718-20 гг. между Доном и Волгой была построена укрепленная линия, при сооружении которой

использовались как традиции русского оборонительного искусства XVII в., так и европейский опыт военной инженерии⁴.

Новая тенденция окончательно сформировалась к концу 1720-х гг. и начала претворяться в жизнь в первые годы правления Анны Иоанновны. Историки предполагают, что идея об укреплении южных границ России непрерывной линией была выдвинута генералом Вейсбахом, занимавших одну из ключевых должностей на Украине⁵. В 1730 г. правительство уже имело план строительства Украинской линии⁶. Летом этого же года комиссия фон Любарса обследовала Царицынскую линию. Комиссия пришла к неутешительному выводу о полной непригодности оборонительной линии для отражения нападений кочевников и предложила полностью перестроить укрепления, увеличить количество крепостей и даже изменить ее направление⁷. В 1730 г. казанский губернатор А.П. Волынский представил в Москву “записку о башкирском вопросе в Российской империи”, в которой предложил вести более активную политику в Заволжье⁸.

В конце 1730 г. Сенат принял решение об одновременном строительстве трех укрепленных линий - Украинской, «Новой Закамской»⁹ и Царицынской¹⁰. Правительство Анны Иоанновны утвердило решение Сената относительно сооружения двух первых линий. В отношении же Царицынской оно не согласилось с заключением комиссии фон Любарса и выделило средства только для ее срочного ремонта.

О том, что российское правительство в 1730 г. пришло к убеждению о необходимости проведения комплекса дорогостоящих мероприятий для защиты всего юга и юго-востока европейской части России и строительства для этого цели протяженных оборонительных линий (или реконструкции, как в отношении Царицынской линии), свидетельствует не сохранившийся в подлиннике текст именного указа от 18 декабря 1730 г. По этому указу для осмотра поселений украинских полков от Днепра до Дона были посланы генерал-майор А. Тараканов и инженер генерал-майор Дебрины (de Brigny). Генерал-майор Бриль (де Бриль, Brilly)¹¹ получил задание осмотреть Царицынскую линию и места предполагаемых поселений “за Волгой, по реке Оке (видимо, ошибка, правильно - Соку - Э.Д.) до реки Белой”¹². Вполне очевидно, что в конце 20-х - начале 30-х гг. XVIII в. правительство попыталось выработать комплексный план организации защиты трех наиболее опасных направлений на юге и юго-востоке европейской части России от нападений кочевников и создания там новых районов оседлого земледельческого расселения. Этот проект в определенной степени повторял предпринятую в 1630-50-е гг. при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче известную попытку создать единую систему укрепленных пограничных линий от границ с Речью Посполитой до р. Камы.

Главная проблема заключалась в том, чтобы определить концепцию и принципы строительства новых укрепленных линий. Сама идея соединения в единое целое оборонительных валов, рвов, крепостей, передовых застав и т. д. была разработана и воплощена в российской практике еще в XVI-XVII вв. Теперь же требовалось совместить ее с европейскими фортификационными приемами, которые начали широко использоваться в петровской России. Для засечных черт такое совмещение на практике впервые осуществилось в конце 1710-х гг. при сооружении Царицынской линии¹³. Дальнейшее развитие этих идей стало одним из важнейших направлений в деятельности вновь созданной Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Специалисты, работавшие в этом учреждении, разработали целый ряд образцовых проектов. «Проекты больших, средних и малых крепостей рассматривались как схемы, допускающие изменения при осуществлении строительства в конкретных условиях. Мелкие же крепостные единицы - редуты, фельдшанцы, форпосты, маяки и т.д. - как чисто стратегические сооружения строились по всей стране по единым образцовым проектам. Составленные в 1730-40-е гг. инженерами военного ведомства проекты крепостей предусматривали не только правильные геометрические очертания укреплений, но и регулярное расположение находившихся внутри казенных, административных, хозяйственных и жилых зданий»¹⁴. В соответствии с этими веяниями в 1731-42 гг. была возведена Украинская линия из 16 крепостей и значительного числа редутов. Ее вал протяженностью 268 верст тянулся от Днепра до Северского Донца. Таким же образом строилась и Новая Закамская линия в 1731-36 гг.

Следует отметить, что на первых порах, по крайней мере, до середины 1730-х гг., идеи западных фортификаторов (Вобана и других) были восприняты в России слишком буквально, без учета особенностей границ страны, традиционного противника на юге и юго-востоке и т.д. Военная инженерия в России находилась в стадии становления. В Инженерной школе и Инженерном корпусе на руководящих должностях преобладали иностранцы. Руководитель военного ведомства Миних обладал глубокими познаниями в европейской фортификации, но долгое время не мог совместить их с российской действительностью. Можно согласиться с мнением известного военного историка Д.Ф. Масловского, писавшего о действиях Миниха: «была решена постройка непрерывной украинской линии, которая носила на себе тип господствовавшей в то время в Западной Европе системы непрерывных укреплений, оказавшаяся в царствование Елизаветы неудобною, крайне тяжелою для населения и не приносящей пользы, хотя стоящей громадных затрат»¹⁵. Еще более резкое суждение по этому вопросу можно

найти у такого крупного специалиста по истории фортификации как Ф.Ф. Ласковский¹⁶.

Только со второй половины 30-х гг. XVIII в., когда приступили к строительству Оренбургской линии и оборонительных систем в Сибири, началось исправление этих ошибок.

Решение о строительстве укрепленных линий на юге и юго-востоке европейской России было принято Сенатом в конце 1730 г. Следовательно, идея, а возможно и предварительные наметки проекта подобного сооружения в Закамье, его привязки к конкретной местности, должны были появиться еще раньше. Вряд ли правы историки, считающие, что инициатива создания новой линии исходила от ее будущего строителя тайного советника Федора Васильевича Наумова¹⁷. Наумов только осенью 1728 г. вернулся в столицу из Левобережной Украины, где сыграл ключевую роль в избрании нового гетмана¹⁸. В Москве он принял активное участие в событиях, сопутствовавших восхождению на престол Анны Иоанновны. Наумов входил в группу М.А. Матюшкина, разработавшую свой проект ограничения самодержавия. Создатели этого проекта были люди "родословные", близкие по взглядам к позиции Верховного Тайного совета¹⁹. Несомненно, что не только члены Верховного Тайного Совета, затевшие "кондиции", но и участники всех остальных группировок, предложивших свои проекты переустройства самодержавия, оказались в сильнейшем подозрении у новой императрицы²⁰. Укрепившись на троне, Анна Иоанновна под благовидным предлогом начала высылать участников дворянского движения из столицы²¹. В начале 1731 г. Ф.В. Наумова неожиданно отправили в Заволжье, фактически в ссылку. Вряд ли он имел какое-либо отношение к разработке проектов строительства оборонительной линий на южных и юго-восточных рубежах России, которые велись в Военной коллегии. Наумов в это время (1730 - начало 1731 гг.) был занят совершенно иным делом, с осени 1730 г. он работал в комиссии, составлявшей новое Уложение²². Тайный советник не только не выступил с инициативой новых мероприятий по укреплению юго-восточных рубежей европейской России, но и не был первым, кому поручили практическое исполнение этого проекта. Первым был генерал-майор де Бриль, вряд ли что успевший сделать на этом поприще и пробывший в новой должности всего два месяца. Вместо него и был назначен Федор Наумов.

Правительство Анны Иоанновны зимой - летом 1731 г. весьма интенсивно занималось вопросами укрепления безопасности на всем пространстве фронтира с кочевыми народами от Дона до Камы и Яика. Первоначально, в течение 1731 - начала 1732 гг. сооружение Новой Закамской, как впрочем и Украинской линий находилось под непосредственным постоянным контролем Кабинета министров и Сената,

высших после императрицы учреждений Российской империи. Совокупность основных указов, распоряжений и инструкций императрицы, Кабинета министров и Сената, Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации о конкретных действиях по устройству нового укрепленного района, финансированию строительства, обеспечению его военными силами и рабочей силой, охране была принята в феврале - июле 1731 г.

Первым, по-видимому, был сенатский указ от 14 февраля 1731 г., в котором тайному советнику Ф.В.Наумову поручалось весной этого года начать крупномасштабные работы по строительству укрепленной линии “для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Ик”²³. Непосредственно с этим указом был связан еще один от 19 февраля 1731 г. В нем предписывалось сформировать в Казанской губернии Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. Их следовало создать из жителей пригородов старой Закамской линии; а также пахотных солдат, однодворцев, других категорий бывших служилых людей Среднего Поволжья, переведенных при Петре I в категорию государственных крестьян²⁴. Отметим, что ранее, указом от 15 января 1731 г., было принято решение о формировании новых ландмилицких полков и строительстве оборонительной линии на Украине²⁵. Очевидно, что руководство государством и в том и в другом случаях действовало по одному плану.

В указах о создании ландмилицких полков повторяется положение о том, что они должны стоять “на Черемшане” или на “Черемшанских форпостах”. Создается впечатление, что на первых порах составители указов не совсем четко представляли себе, где должна строиться Новая Закамская линия. На самом деле, эти четыре полка должны были охранять строительство именно новых укреплений и стать костяком ее гарнизонов. В том же феврале 1731 г. из столицы к астраханскому губернатору И. Измайлову было послано извещение о том, что вместо генерал-майора де Брильи для осмотра новых мест к размещения укреплений и военных сил в Поволжье послан тайный советник Ф.В. Наумов, а с ним отставной полковник Иван Оболдуев²⁶ и артиллерийский полковник Гарбер²⁷. Район, где должна была действовать новая экспедиция, охватывал огромную территорию юго-востока европейской части России и практически совпадал с тем, который ранее указывалось обследовать де Брильи. Наумов, фактически, становился наместником всего фронтира, пограничной полосы с кочевниками, протянувшейся от Дона до Камы. Суть предстоящего поручения была изложена в особой «Инструкции», врученной начальнику экспедиции

21 февраля 1731 г. Перед тайным советником были поставлены две главные задачи:

- набрать из государственных крестьян Казанской губернии, тех, кто до 1724 г. был в службе в закамских и симбирских городках, и также казанских пригородов 2 полка ландмилиции,

- произвести осмотр территории Заволжья - ниже "Черемшанских форпостов" по р. Соку до р. Ик, Самаре, Иргизу, другим левобережным притокам Волги, и Предволжья - по Царицынской линии и по притокам Дона - Иловле, Медведице и другим с тем, чтобы в "опасных местах" поставить городки и поселить в них вновь созданные полки.

В «Инструкции», состоящей из 18 пунктов, более детально были изложены дела, порученные Наумову, и определены средства для их исполнения. В распоряжении руководителя экспедиции должен был находиться следующий штат сотрудников. Кроме И. Оболдуева и военного инженера в него должны были войти сотрудники канцелярии (1 секретарь, 2 канцеляриста, 6 копиистов) и 4 геодезиста из Казанской губернии. В случае если сотрудников не будет хватать, Наумов мог их добрать из городов Симбирской провинции. Для набора солдат в ландмилиции полки в каждый полк посыпались по одному штаб-офицеру, по два обер и унтер-офицера, по несколько человек рядовых. Жалованье всем этим людям предполагалось платить из так называемого 4-х гривенного сбора. Новые полки обеспечивались деньгами, довольствием и обмундированием из этого же сбора. Солдаты должны были носить такую же форму, как и в украинских полках ландмилиции. Служба предполагалась сезонной. Солдат собирали в теплое время года, а на зиму выпускали по домам.

Термин «Закамская экспедиция» или «комиссия» крайне редко можно найти в документах 1730-х гг., освещавших строительство новой линии в Заволжье. Но в данной работе он используется как наиболее удобный и лучше других отражающих суть данного государственного предприятия.

Сроки для разработки проекта были самые сжатые. Весной - в начале лета сотрудники экспедиции должны были осмотреть местность, составить планы и представить свои предложения по обустройству линии²⁸. В начале марта 1731 г. в распоряжение Наумова было указано передать казанский гарнизонный драгунский полк, стоявший на «черемшанских форпостах» и служилых казаков из местных пригородов²⁹.

Так началась командировка тайного советника в Заволжье, где он и подчиненные ему офицеры приступили к подготовке и реализации нового проекта. Уже после завершения строительства и отставки Ф. В. Наумова, когда речь шла о выдаче ему жалованья за строительство линии,

началом службы этого человека на новом месте считали именно февраль 1731 г.

Совершенно очевидно, что данный проект в его первоначальном виде был совершенно нереален. Для обеспечения безопасности огромного региона от Дона до Камы необходимы были другие средства и другие полномочия. Фактически Наумов должен был стать наместником на огромного края, а в его распоряжение следовало передать все воинские силы и местную администрацию. Для опытного администратора такое несоответствие стало очевидным уже при первом ознакомлении с порученным ему предприятием. Текст его донесения в Сенат, датированный началом марта 1731 г., весьма интересен и состоит как бы из нескольких уровней. Наумов и не отказывается от всего объема порученного ему дела, но пишет, что оно чрезвычайно сложное и справиться с ним имеющимися в его распоряжении силами к указанному сроку совершенно невозможно. Прежде всего, руководителя будущих работ беспокоит размер территории, на которой их предстоит производить. Для того, чтобы ее всю охватить, необходимы три группы проектировщиков во главе с "инженерными обер-офицерами", каждая из которых должна обследовать свой участок: по Дону, Иловле и другим рекам; от Волги по р. Соку; от р. Ик к Соку.

Об обследовании других левобережных притоков Волги - рек Самары, Большого Иргиза и других Наумов просто умалчивает. Но лучше всего, по его мнению, не увеличивать число инженерных партий, а сократить район для обследования местностью между р. Волгой и Иком. Это положение и составляло суть донесения Ф.В. Наумова. Все остальные его предложения носили частный характер. Они сводились к просьбам увеличить количество офицеров для набора ландмилицких полков, точнее определить источники жалованья служилым людям, поручить яицким казакам предупреждать руководство экспедиции о набегах кочевников³⁰. В решении Сената от 11 марта практически все предложения тайного советника, и, самое главное из них, о сужении района работ до междуречья Волги и Ика, были удовлетворены³¹. Тем самым был фактически, задан район предстоящих работ и ориентированное направление будущей линии.

Основной состав Закамской экспедиции сформировался к началу лета 1731 г. Тогда же в мае - начале июня ее участники приступили к работе. Обязанности среди руководящего состава распределялись следующим образом. Под началом Наумова находились два его заместителя по организационным вопросам и военной части - полковник И. Оболдуев и по инженерной - капитан-поручик И.А. Бибиков. Летом 1731 г. к ним прибавился гвардейский подпоручик И. Давыдов, выполнявший

надзорную функцию и занимавшийся координацией отношений с местными властями.

До осени 1731 г. первое место среди них занимал полковник Иван Оболдуев. К новой экспедиции он был причислен уже весьма пожилым человеком 58-ми лет. Ранее, до сентября 1730 г., полковник служил в Низовом корпусе в Дербенте и был отпущен из Закавказья по состоянию здоровья³². В случае отсутствия тайного советника именно Оболдуев исполнял его обязанности.

Все геодезические и инженерные работы находились в ведении инженера капитан-лейтенанта (иногда его в документах называют капитан-поручик, что было связано с изменениями, происходившими в то время в Табели о рангах) Ильи Александровича Бибикова³³, командированного из «Конторы главной артиллерии и фортификации». Это был сравнительно молодой человек - 33-х лет от роду, служивший в Инженерном корпусе и имевший определенный опыт картографических и фортификационных работ. Решение об его посылке в экспедицию Наумова «для описи и меры» было принято Минихом 1 марта 1731 г.³⁴ Ранее упоминавшийся инженер Гарбер какого либо реального участия в производстве работ не принимал и, видимо, был отставлен сразу же после назначения. Под руководством Бибикова в экспедиции сложилась группа инженеров. Вместе с капитан-лейтенантом был послан кондуктор Гаврила Окулов (в документах встречается также как Акулов). Еще одного кондуктора предписывалось взять из Казани³⁵. Несколько позднее из Санкт-Петербурга были направлены прaporщик М. Вельяминов-Зернов, кондуктор В. Верховской, да из Москвы кондуктор М. Чириков³⁶. Таков был первоначальный состав «инженерной команды», сыгравшей столь значительную роль в строительстве укреплений. Многочисленные карты Закамской линии составлялись и подписывались именно этими людьми. Под их началом производились все фортификационные инженерные работы. Кроме того, к Бибикову были прикомандированы геодезисты из местных гарнизонов, но они занимались в большей степени размежеванием земель³⁷. Весьма любопытен список материалов, выделенных по просьбе Бибикова для выполнения всех поставленных перед ним задач. В своем донесении Минику 5 марта 1731 г. он «требовал для снятия сочиняющейся крепости и линии на дистанции от реки Соку и до реки Хопра и прочему планов и сочинению чертежей о даче инструменту и выдаче припасов, а именно александрийской стопу, пищей две стопы (бумаги - Э.Д.), кормину пять золотников, карандашу двенадцать дюжин, кистей разных рук две дюжины, яри веницевской двенадцать золотников, для запечатывания чертежей и рапортов сургучу полфунт». Все запрошенные материалы были выданы в экспедицию³⁸.

Несколько позднее, уже в июле, для координации работ, согласования возникавших проблем между руководством экспедиции и местными губернскими властями (прежде всего с В.П. Шереметевым), в Заволжье был послан подпоручик гвардейского Преображенского полка князь Иван Давыдов. Он был обязан состоять при Наумове "и смотреть, чтоб то дело линии и крепостей, тако же выбор и поселение полков могло следовать во всем с добрым порядком и поспешением"³⁹

Таким образом, Наумов, Оболдуев, Давыдов и Чириков представляли в 1731 г. весь постоянный командный состав экспедиции и, как это яствует из документов, принимали активное участие в производстве работ. О каких-либо конфликтах, возникавших между ними, сведений не имеется.

Любопытно, что аналогичный по составу и распределению функций командный набор сложился и в Украинской экспедиции. Но их состав по чинам и положению в тогдашней служебной иерархии был гораздо представительней.

Отметим, что в 1731 и первой половине 1732 гг. деятельность Закамской экспедиции находилась под контролем Кабинета министров и Сената. Ее руководитель Федор Наумов отчитывался прежде всего перед этими высшими учреждениями Российской империи. Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют, что Миних, с 1730 г. являвшийся вице-президентом Военной коллегии и фактически руководивший ее деятельностью, первое время имел самое общее представление о задачах, стоящих перед экспедицией, и о территории, на которой она должна была действовать. Бибиков, по распоряжению Миниха приписанный к Закамской экспедиции «для усмотрения, в которых местах способных от неприятельских набегов по реке Соку и до Хопра линии и крепости построить», по крайней мере, на первых порах, ему подчинялся лишь опосредованно. Напутствуя капитан-лейтенанта перед отъездом в Заволжье, Миних ограничился самыми общими указаниями. Он просил Бибикова ознакомиться с самой территорией: «те места границе вашей, в которых либо какое сумнение или спор от тех стран соседех имеется и иногда какой притчины ради с нашей стороны уступлено или на их сторону перейдено и при сочинении границ без окончания оставлено находящегося будет, то все надлежит вносить в карту»⁴⁰. Изучение делопроизводства Штаба генерал-фельдцейхмейстера дает основания предположить, что идея создания укрепленной линии в Заволжье возникла, скорее всего, не у Миниха и его окружения, и на первых этапах ее воплощением в действительность руководили другие люди. Реальные очертания она приобрела только после тщательной про-

работки на местности весной - летом 1731 г. экспедицией под руководством Ф.В. Наумова.

Но окончательные выводы по всем этим вопросам можно сделать только после ознакомления со всей совокупностью документальных материалов, относящихся к деятельности российского руководства в эти годы.

Примечания:

1. Петербург и другие российские города XVIII - первой половины XIX веков. М., 1995. С. 276.
2. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 667, 670; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 603.
3. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. М., 1986. С. 5-9.
4. Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И. Петр I в Царыцине и на среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 104-108; Лавринова Т.В. Царицынская линия: история строительства 1718-1720 гг. и первые годы существования. Автограф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1990.
5. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 68; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. СПб., 2001. С. 128.
6. Там же. С. 129; РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13-13об.
7. Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И. Указ. соч. С. 110.
8. Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. № 134
9. Ныне широко используемое название «Новая Закамская линия» появилось значительное позднее, во второй половине XIX в.
10. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны ..., С. 128; РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13-13 об.)
11. Эти два генерала были личностями весьма известными. Француз и итальянец, они поступили на русскую службу в начале Северной войны. Проявив себя в качестве талантливых инженеров, Дебриньи и де Брильи дослужились впоследствии до весьма высокого чина генерал-лейтенанта. См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 5. С. 74-76; Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 536.
12. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. 1725-1740. С. 237. № 3926.
13. Лавринова Т.В. Царицынская линия ...
14. Петербург и другие российские города ... С. 276.
15. Масловский Д. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 92.

удобно было через Самару, а не через Казань).

16. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 64-65, 281.
17. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 21.
18. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. X. С. 138.
19. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 166, 230-231, 234.
20. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. X. С. 215.
21. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 300.
- 22 Там же. С. 223.
23. Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч.1. Кн. 2. Отд. VI. С.63.
24. Сборник РИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С.25, 34.
25. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны ... С. 128.
26. В некоторых документах он упоминается как подполковник. См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 121.
27. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 1.
28. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 2-8.
29. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 29.
30. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 39-40.
31. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 41-41 об.
32. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 32, 35.
33. Илья Александрович Бибиков (1698-1784) из старинного дворянского рода. В 1715 г. начал службу в Инженерном корпусе. Дослужился до генерал-поручика. Руководил Тульским оружейным заводом. Отличился во время Семилетней войны. Был одним из лучших инженеров своего времени. См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4.
34. А ВИМАИВиВС (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 55об.-56.
35. А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 55об.-56.
36. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 53-53об.; А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 151 об.-152.
37. А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 62-63.
38. А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 64.
39. А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 91-95, 104-105.
40. А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 65.